

Иерей Артемий Ярыгин

ОКЕАН И БОТИНКИ

Артемий Ярыгин

Океан и ботинки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74600096

Океан и ботинки:

ISBN 978-5-00289-288-4

Аннотация

Психология чистильщика обуви для тех, кто носит рясу.

Практическое руководство для священников, которые готовы опуститься, чтобы стать силой.

Автор: священник-чистильщик

Содержание

Об одной подписи и обо всём остальном	5
Часть 1	8
Глава 1	8
Глава 2	11
Глава 3	13
Глава 4	14
Глава 5	17
Глава 6	20
Глава 7	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Иерей Артемий Ярыгин

Океан и ботинки

© Иерей Артемий Ярыгин, 2026

Об одной подписи и обо всём остальном

*Предисловие, которое
я откладывал дольше всего.*

В этой книге почти всё – неправда.

Директор завода, который не плакал сорок лет? Выдуман. Монах в кирзачах? Его не существует. Библиотекарь, который ненавидит тишину? Плод воображения. Кабинет с пуфом, тазом и тремя щётками? Я никогда его не оборудовал. Сессии, длящиеся ровно час? Ни одной не провёл.

Я – священник, описывающий метод, которым не пользовался. Истории, которых не случилось. Исцеления, которым не был свидетелем.

Зачем?

Потому что художественный вымысел иногда честнее отчёта. Потому что я хочу, чтобы вы почувствовали – раньше, чем начнёте спорить. Потому что правда не в том, было или не было. Правда в том, что могло бы быть. Должно бы быть. Когда-нибудь будет – если не мной, то кем-то из вас.

Я собрал эту книгу из тысяч обрывков. Из исповедей, которые я слышал. Из слёз, которые вытирал. Из молчания, в котором учился стоять. Переплавил всё это в горне воображения и отлил в истории, которые, надеюсь, попадут не в го-

лову – в живот, в позвоночник, в стопы.

Так что не ищите в этих страницах репортажной точности. Её нет.

Поэтому не спрашивайте меня: «А было ли это на самом деле?»

Я отвечу так: история про отказную – была. Всё остальное – нет. Но если вы закрыли книгу и захотели мыть чужую обувь – значит, неправда оказалась полезнее правды. И Бог, Который смотрит на наши руки, улыбнулся.

От автора, написанное сидя на пуфе

Эту книгу я писал не за столом. Я писал её на пуфе, между сессиями, пока вода в тазу остывала. Буквы выходили криковыми, потому что пальцы привыкли держать щётку, а не ручку.

Я священник. И я чистильщик обуви.

Когда я говорю это вслух, коллеги смеются. Потом перестают смеяться. Потом крестятся. Потом уходят и не возвращаются. Люди сначала обижаются: «Батюшка, вы что, нас за грязных считаете?» А потом тихо приходят. С запиской. С надрывом. С ботинками, которые не чистили годами.

Я не придумал ничего нового. Христос омывал ноги. Диаконы в древней Церкви мыли ноги путникам. Святые отцы говорили о «нижнем служении». Но мы, священники XXI века, разучились опускаться. Мы стоим на амвоне, си-

дим в кресле, ездим на машинах. Наши руки пахнут ладаном и – редко – мылом.

Эта книга – не учебник. Это исповедь. Исповедь человека, который понял, что его пастырское служение не только в храме, но и с щёткой в руках.

Если вы священник – прочитайте её с карандашом. Если вы мирянин – прочитайте её с молитвой о вашем пастыре. Если вы ни тот, ни другой – прочитайте её просто как историю о том, как один человек решил перестать врать.

Часть 1

Рождение чистильщика

Глава 1

Почему я взял щётку

Из дневника чистильщика. До начала.

«Сегодня я служил литургию. Всё как обычно. Женщина по имени Ольга плакала на исповеди: муж пьёт, дети не слушаются, свекровь доводит. Я сказал ей стандартное:

– Молись, Господь не попустит больше, чем ты можешь понести.

Она кивнула, утёрла слёзы и ушла. Через час я увидел её у ларька с пивом. Она пила. Одна. Смотрела в землю. Я прошёл мимо. Не знал, что сказать. Вернулся в алтарь, сел на пол и заплакал. Потому что понял: я несу людям слова, а они пьют пиво. Потому что слова кончаются. А боль – нет».

Я был обычным священником. Алтарь, исповедь, требы, приход. Я служил литургии, читал проповеди, крестил младенцев, отпевал стариков. Всё как положено. Люди меня любили, начальство не ругало. Всё было хорошо.

Кроме одного. Я чувствовал пустоту. Тонкую, как лезвие бритвы. Она ложилась между моими словами и жизнью лю-

дей.

- Батюшка, у меня рак.
- Молись, Господь исцелит.
- Батюшка, муж ушёл.
- Прости его, Христос прощал.
- Батюшка, я хочу умереть.
- Это грех, отгони помыслы.

Я говорил эти слова сотни раз. И каждый раз внутри звучал голос: «А сам-то? Сам бы ты смог?»

Не смог бы.

Когда у меня болит зуб, я не молюсь – я иду к врачу. Когда ссорюсь с мамой, я не прощаю мгновенно – я обижаюсь и не звоню три дня. Когда мне страшно, я не «отгоняю помыслы» – я ем на ночь, смотрю глупые видео и засыпаю под телевизор.

Я священник. И я такой же. Только ряса не даёт вам этого видеть.

Всё изменилось. Великий Четверг. Чин омовения ног. Этот чин не совершают обычные священники, но я очень ярко это представил...

В алтаре мы, священники, встали на колени перед двенадцатью людьми. Взяли полотенца, тазы, кувшины с водой. Я держал чужую ступню – тёплую, с мозолями, с запахом пота и земли. И вдруг меня накрыло. Это не было озарение свыше. Это было тело. Мой нос почувствовал запах. Мои пальцы ощутили трещины на пятке. Мои глаза увидели стёртый

ноготь.

И я подумал: «Почему я делаю это один раз в год? Почему я не делаю это каждый день?»

Вечером я сидел в коридоре и чистил свои туфли. Старая привычка от деда – он говорил: «Уважающий себя мужчина чистит обувь сам». Я тёр кожу щёткой, наносил крем, полировал. И вдруг соединил две картинки: таз с ногами на Великий Четверг – и щётка с моими ботинками сейчас.

А что если я буду чистить чужую обувь? Не ноги – обувь. Не раз в год – каждую неделю. Не двенадцати избранным – каждому, кто придёт?

Я тогда не знал, что этот вопрос перевернёт всё. Что меня осудят коллеги-священники («Сдурел, батька!»). Что люди не поймут («Вы что, сапожник?»). Что благочинный вызовет «на ковёр» («Это что за психотерапия?»).

Но я также не знал, что найду нечто большее. Не новый метод. Не вторую профессию. Найду себя. Того себя, который не боится опуститься на колени не только в Великий Четверг.

Глава 2

Нечаянная исповедь на грязной подошве

В моём приходе была бабушка Зина. Покупала свечи, подавала записочки, сердилась на молодых, что те не так крепятся. Я считал её образцовой прихожанкой – пока однажды не увидел её ботинки.

Дырявые. Стоптанные. А главное – разные. Левый – сбит наружу, правый – истёрт с внутренней стороны.

– Баба Зина, когда вы купили эти ботинки?

– А я их не покупала. Это мамины. Она умерла в девяносто пятом.

Я полез в историю болезни души. Оказалось, баба Зина 25 лет ходила в обуви умершей матери, потому что «мама велела беречь вещи». Она не могла выбросить ботинки – это значило бы предать мать. А вместе с ботинками она не могла выбросить и мамины обиды, мамину злость на отца, мамино «ты ни на что не способна».

– Баба Зина, а что вы сами хотите?

– Я не знаю, батюшка. Я уже забыла, как это – хотеть.

Я не взял тогда щётку. Я просто сел рядом с ней на лавочку у храма. Мы молчали. Через десять минут она сказала:

– А может, выбросить их?

– Ботинки?

– И ботинки, и маму? Нет, маму нельзя... а обиду на неё – можно?

– Можно.

Она выбросила ботинки. Купила новые. Пришла в них на Пасху. Я смотрел на её подошву – ровную, почти новую – и думал: вот она, нечаянная исповедь. Не в храме. На грязной подошве.

С того дня я стал смотреть на обувь.

Глава 3

Слова кончились раньше, чем надежда

Мы говорим, пока не охрипнем. А люди всё равно уходят с той же болью. Знаете, почему? Потому что слова – это дом на песке. А боль – цунами.

Однажды ко мне пришла женщина. Её дочь покончила с собой. Она исповедовалась мне уже три года. Всё сказала. И плакала, и молилась, и причащалась. А боль не уходила.

Она села на стул. Я встал перед ней на колени (чистильщиком я тогда ещё не был, но руки уже чесались). И сказал: – Сегодня я ничего не буду говорить. Просто почищу ваши ботинки. Можно?

Она опешила. Но разрешила.

Я мыл её осенние сапоги. Грязь отмокала долго. Она смотрела. Потом заплакала. Потом сказала:

– Почему вы не сделали этого раньше?

– Потому что боялся.

– Чего?

– Что вы подумаете: «Батюшка с ума сошёл».

– Вы сошли, – сказала она. – Но именно это мне и нужно.

Спасибо.

Слова кончаются. Щётка – нет.

Глава 4

Почему слов больше недостаточно

Священник говорит. Много. Проповеди, наставления, молитвы вслух, советы, утешения, обличения. Голос – главный инструмент пастыря. Долгое время этого было достаточно.

Но время изменилось.

Мы живём в эпоху информационного шума. Тысячи проповедей на YouTube. Миллионы православных блогов. Посты в Telegram. Люди перекормлены словами. Они слышали всё. Про смирение. Про любовь. Про прощение. Про молитву. Они могут сами прочитать «Лествицу», «Невидимую брань», «Откровенные рассказы странника».

Но ничего не меняется.

Почему?

Потому что боль не в голове. Боль в теле.

Я служил в селе. Бабушка Вера, 82 года, пришла на исповедь. Кается: «Грешна, батюшка, окаянная». Какие грехи? Соседку осудила, с внуками мало молилась, пост нарушила. Я отпустил грехи. Она поставила свечку. Ушла.

Через неделю она повесилась в своей избе.

Я не знал. Не увидел. А нужно было просто посмотреть на её обувь. Старые валенки. Подошва стёрта ровно посередине, как будто она стояла и не знала, куда шагнуть. Она не двигалась. Годами. Её тело застыло. А я говорил ей слова о

движении. Она не могла двинуться.

Тело не врёт. Тело – это подошва, которая расскажет всё. Гораздо больше, чем исповедь.

Вот простой эксперимент для священника.

Попросите человека после исповеди посидеть минуту. Посмотрите на его обувь. Не спрашивайте ничего. Просто смотрите.

Правая туфля стёрта сильнее левой? Он всё время куда-то бежит от себя. Работа, семья, служение – бег. Спросите: «Вы давно были в покое?» Он расплчется.

Каблук сбит с внешней стороны? Он компенсирует неуверенность бравадой. «У меня всё хорошо» – любимая фраза. А внутри – паника.

Носок протёрт до дыр? Он ходит на цыпочках. Всю жизнь пытается казаться лучше, чем есть. Устал.

Подошва почти новая? Он не живёт – он отсиживается. Дом – работа – храм. Ни шага в сторону.

Обувь слишком чистая? Фанатик контроля. Моет ботинки каждый вечер. А душу не моет никогда.

Грязь засохла коркой? Боль, которую не плакали. Месяцы, годы.

Слова на исповеди иногда лукавят. Даже когда человек кажется искренне. Потому что стыд заставляет приукрашивать. Тело – никогда.

Почему мы, священники, этого не видим? Потому что мы смотрим в лицо. Лицо умеет врать. Улыбка. Слёзы. Опущен-

ные глаза. А подошва – нет. Но подошва далеко. Мы редко туда смотрим.

Метод чистильщика – это перевести взгляд с лица на обувь. Не для того, чтобы игнорировать человека. А для того, чтобы увидеть его настоящего.

Глава 5

Что такое психология чистильщика для священника

Из дневника чистильщика. Запись № 14.

«Первая чистка. Мужчина, 35 лет, бизнесмен. Пришёл по рекомендации. Сказал: “Я не знаю, зачем я здесь. Мой психолог сказал, что вам нужно довериться”. Я надел фартук, сел на пуф. “Можно я возьму вашу левую туфлю?” Он кивнул. Я начал чистить. Молча. Через пять минут он сказал: “У меня рак. Четвёртая стадия. Я никому не сказал”. Я продолжил чистить. Он заплакал. Я чистил. Через сорок минут обувь сияла. Я сказал: “Обувь готова. Бог – там”. Он встал, обулся и вышел. У двери обернулся: “Спасибо, что не сказали ни слова”. Он умер через два месяца. Его мать пришла на панихиду. Сказала: “Сын сказал перед смертью: идите к священнику, который чистит ботинки. Он молчит”».

Метод прост до неприличия. Настолько прост, что священники не верят в него. Они ищут сложное. Молитвы на греческом. Аскетические практики. Многодневные посты. А тут – щётка и таз. Слишком просто. Слишком телесно. Слишком... недуховно.

Но вот как это работает.

Комната. Не храм. Отдельная комната. Светлая, чистая,

нейтральная. Ни икон на виду, ни лампад, ни ладана. Чистое пространство.

Пуф. Низкий, жёсткий. Священник сидит на нём у ног человека. Буквально ниже его.

Таз с тёплой водой. Температуры тела. Не горячей, не холодной.

Три щётки. Грубая, средняя, мягкая.

Крем для обуви. Нейтральный, без запаха.

Фартук. Плотный, рабочий.

Человек сидит на стуле. Обычный стул. Не кресло. Не церковная скамья.

Сессия длится час. Ни минутой меньше. Ни минутой больше.

Священник чистит обувь. Молча. Медленно. С полным вниманием. Каждое движение щётки – осознанное.

Никаких слов – если человек не начинает говорить сам. Тогда священник слушает. Не перебивает. Не даёт советов. Не прощает грехи. Не благословляет. Слушает и чистит.

В конце – обувь ставится перед человеком. Священник отодвигается назад. Смотрит в сторону. Говорит: «Обувь готова. Бог – там, за дверью. Идите к Нему, когда будете готовы».

Вода выливается. Щётки моются. Фартук снимается. Священник идёт в храм служить вечерню.

Что происходит? Я не знаю до конца. Знаю только, что это работает. Тело помнит то, о чём голова забыла. Когда кто-то

моет вашу обувь, вы чувствуете себя... увиденным. Не лицо увидели – его видят всего. Подошву. Грязь. Трещины. То, что вы сами прячете.

И вы расслабляетесь. Защиты падают. И боль, которую вы держали в животе, в челюсти, в плечах – выходит. Через рот. Через слёзы. Через молчание.

Чудо происходит не от священника. Чудо происходит от акта заботы. От того, что кто-то впервые в жизни занялся самой низкой, самой грязной, самой стыдной частью человека – его обувью. И не отвернулся. Не поморщился. Не прочитал нотацию.

Он просто взял и вычистил.

Человек уходит с лёгкой походкой. Не потому что получил отпущение грехов. А потому что кто-то – и этот кто-то его духовник – позаботился о его подошве. И дал ему разрешение быть неидеальным. Без слов. Без проповедей.

Глава 6

Чистильщик и священник

– не одно и то же

Из дневника чистильщика. Запись № 21.

«Я нарушил правило. Женщина плакала, рассказывая о смерти матери. Я не выдержал, снял фартук и благословил её. Она посмотрела на меня с ужасом. “Вы что, батюшка, – сказала она, – вы сейчас смешали всё. Я пришла чистить обувь, а вы меня исповедуете. Я не готова”. Она ушла. Не закончив сессию. Больше не приходила. Я сидел на пуфе и смотрел на остывающую воду. Ошибка. Никогда больше».

Это важно. Я должен сказать это чётко, чтобы вы не запутались.

Когда я в алтаре: я надеваю фелонь. Я – посредник между Богом и человеком. Я прощаю грехи не своей властью, а Христовой. Я подаю благодать в таинствах. Я говорю: «Господь простит тебя». Я действую объективно, независимо от моей святости.

Когда я на пуфе: я надеваю фартук. Я – никто между человеком и его болью. Я не прощаю грехи. Я не даю благодати. Я просто убираю грязь с обуви. Мои молитвы – не вслух, а про себя. А Бог – потом. Или до. Или вообще не в этом кабинете.

Если я перепутаю – будет плохо. Человек начнёт путать чистку с исповедью. Он будет ждать, что я отпущу ему грехи через щётку. А я не могу. Потому что чистка обуви – не таинство. И не надо делать из неё таинство.

Две роли. Два облачения. Два пространства. Между ними – дверь. Захлопывайте её.

Как это делать практически?

– Разные помещения. Кабинет чистки – не храм. Не часовня. Даже не притвор.

– Разное облачение. Ряса – для храма. Фартук – для кабинета. Никогда не надевайте фартук поверх рясы. Переодевайтесь полностью.

– Разные жесты. В храме вы крестите и благословляете. В кабинете – моете и чистите.

– Разные слова. В храме вы говорите от лица Церкви. В кабинете – от себя. Или вообще молчите.

– Разное время. Исповедь – в храме, в назначенное время. Чистка – в кабинете, по записи.

Допустимо ли совмещать?

Технически – да. Практически – почти никогда.

Если человек после чистки просит исповеди, вы можете:

– Отложить щётки.

– Снять фартук.

– Выйти из кабинета.

– Пройти в храм (или другое помещение).

– Надеть епитрахиль.

– Исповедать.

Но между чисткой и исповедью – пауза. Пять минут. Молитва. Смена фокуса.

Человек должен знать: чистка – это не исповедь. Исповедь – это не чистка. Одно не заменяет другое. Одно дополняет другое, но не подменяет.

Глава 7

Соблазны священника-чистильщика

Из дневника чистильщика. Запись № 28.

«Сегодня едва не сорвался. Человек рассказал, что украл деньги с работы. Мой внутренний священник заорал: “Покайся! Верни! Исповедайся!” Я сжал щётку до боли в пальцах. Молчал. Чистил. В конце он сказал: “Я знаю, что это грех. Я приду на исповедь завтра. Спасибо, что не заставили меня каяться здесь. Я бы не выдержал”. Я выдохнул. Щётка выпала из рук. Успел».

Их три. Каждый с бородой.

Соблазн первый: тайно исповедовать во время чистки.

Симптомы. Человек рассказывает о грехе. Ваш внутренний священник щёлкает: «Вот он – повод поговорить о покаянии, о причастии, о вечной жизни». Вы чувствуете, как слова уже поднимаются из живота: «Чадо, покайся...»

Что делать. Остановиться. Замереть с щёткой в руке. Сделать вдох. Сказать себе: «Я сейчас не священник. Я чистильщик. Грех – не в подошве. Моя зона – грязь».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.